

О. Макарова

**«Женский вопрос не вошел еще
в общественное сознание...»
Проблемы эмансипации
в ранней журналистике А.С. Суворина**

К началу 60-х годов XIX века будущий издатель газеты «Новое время» Алексей Сергеевич Суворин весьма высоко продвинулся по журналистской карьерной лестнице. Как нам удалось проследить по архивным документам, его стремительная карьера – за пять лет скромный уездный учитель превратился в популярного журналиста столичной газеты «Санкт-Петербургские ведомости» – определялась и направлялась его первой женой, Анной Ивановной Барановой¹.

Взлет журналистской карьеры Суворина совпал по времени с набирающим силу процессом женской эмансипации, который с начала 1860-х годов вступил в свою активную фазу². «Женский вопрос» инкорпорировал ряд проблем, среди кото-

¹ См. об этом: *Макарова О.* «Не будь Анюты, которая имела на меня большое влияние...»: Штрихи к семейному портрету А.С. Суворина на фоне эпохи // Адам и Ева: Альманах гендерной истории / РАН, Институт всеобщей истории. 2006. № 12. С. 145-170.

² В настоящей работе я следую периодизации, предложенной И. Юкиной в ее фундаментальном труде «Русский феминизм как вызов современности». СПб, 2007. Согласно ее трактовке, термины «женский вопрос», «женское движение», «эмансипация женщин», «феминизм» при некоторых их различиях могут считаться синонимами. Этим терминам противопоставлен термин «феминистское движение», поскольку последнее предполагает наличие сложившейся идеологии. Указанная оппозиция имеет хронологическое оформление: «женское движение», или первый этап, охватывает 1858 – 1905 годы, «феминистское движение», или второй этап, – 1905 – 1918 годы.

рых своей насущностью выделялись такие, как женское образование, право на труд, профессиональная карьера, общественная деятельность, политические права, личная свобода, семейно-брачные отношения, контроль над рождаемостью, проституция и некоторые другие. Все эти проблемы подверглись широкому обсуждению и вызывали порой полярное расхождение во мнениях, что в результате выразилось в формировании консервативного, либерального и радикального дискурсов женского эмансипационного процесса, которые реализовались как на уровне государственной политики, так и на уровне прессы и беллетристики.

Обсуждение «женского вопроса» породило рекордное количество статей и книг по женской проблематике, а участие в ней стало «мерилом прогрессивности писателя»³. Тон дискуссии задавала основополагающая статья М. Михайлова «Женщины, их воспитание и значение в семье и обществе», которая была опубликована в 1860 году в журнале «Современник». Статья, по словам революционера-демократа Н. Шелгунова, вызвала «землетрясение в умах», а ее автор снискал славу «творца женского вопроса»⁴. В своей статье Михайлов назвал женскую эмансипацию «одной из самых высших, самых характеристических явлений нашего века»⁵ и предложил новую концепцию женского воспитания и образования. Именно вопрос женского образования стал центральным в дискуссии указанного периода, хотя наряду с ним обсуждались и такие актуальные темы, как право женщины на труд и ее социальные роли.

Женское движение, как составная часть либерализационного процесса, ставило целью перераспределение гендерных ролей во всех сферах общественной жизни. В патриархатном

³ Соловьев Н. Милль, Конт и Бокль о женском вопросе. М., 1870. С. 5.

⁴ Шелгунов Н.В., Шелгунова Л.П., Михайлов М.Л. Воспоминания: В 2 т. М., 1967. Т. 1. С. 121.

⁵ Михайлов М. Женщины, их воспитание и значение в семье и обществе // Современник. 1860. № 4. С. 473.

обществе это означало перестройку властной мужской иерархии, перераспределение мужских компетенций в пользу женщины, в идеале – паритет мужчин и женщин в использовании властных компетенций. Специфика этого процесса была такова, что сопутствующее ему мужское и женское общественное сознание формировалось разными темпами, и это зафиксировали современники и свидетели зародившегося женского эмансипационного движения: «Удивляться надо не тому, что такие [сильные женские] характеры народились, а той головокружительной быстроте, с какой они развивались. <...> ...Женщина шестидесятых годов в какие-нибудь 10 – 20 лет изменилась до неузнаваемости»⁶. Мужское общественное сознание к тому времени еще не успело выработать адекватных реакций и норм поведения:

«Люди, готовые сломать все старые устои религиозного, философского и политического строя, останавливались с какой-то робостью перед призраком женского равноправия в семье, обществе и государстве»⁷.

На уровне коллективного бессознательного столь реальная перспектива утраты мужской властной компетенции способна индуцировать архетипический, изначально присущий мужчине страх перед женщиной⁸, который находит свою актуализацию в женофобических (и/или мизогинистских) тенденциях и установках в общественном сознании с их выходом в дискурсивные практики.

Справедливости ради следует отметить, что и у женщины эмансипационный процесс сопровождался психологическими издержками, которые были заметны современникам:

«...в области морали личной и семейной и в некоторых областях общественного труда <...> она отвоевала себе место ря-

⁶ *Котляревский Н.* Канун освобождения (1855 – 1861): Из жизни идей и настроений в радикальных кругах того времени. Пг., 1916. С. 414.

⁷ Там же. С. 420.

⁸ Ср. архетипы (по Юнгу) фаллос как символ власти и *vagina dentata*.

дом со своим единомышленником, внося в общую работу много нервности, смелости, иногда странности и эксцентричности»⁹.

В середине 70-х годов XIX века медицина отреагировала на изменения в поведении женщин введением в широкий оборот понятия женской истерии и активным ее лечением; позднее Мишель Фуко назвал этот феномен «истеризация женского тела»¹⁰. Данное явление применительно к условиям России исследовано явно недостаточно, хотя находящаяся в зародышевом состоянии психиатрия тех лет уже делала попытки связать психические и социальные процессы. Так, психиатр В. Мержеевский, говоря о неожиданности реформ 60-х годов, пишет, что их осуществление «вызвало более умственного труда и более реакций на внешние события, более волнений, вообще, больше работы психического механизма и большей его порчи»¹¹.

Обрисованный историко-социальный контекст является хорошим фоном, позволяющим рассмотреть малоизвестные и доныне не введенные в научный оборот ранние публикации Суворина на тему женской эмансипации в газете «Санкт-Петербургские ведомости». В шестидесятые годы при редакторе В.Ф. Корше эта газета выступила активной сторонницей реформ, причем ее успеху немало способствовали фельетоны Суворина, писавшего под псевдонимом «Незнакомец». Его сотрудничество в «Санкт-Петербургских ведомостях» было продуктивным: с 1863 по 1874 год он опубликовал там более

⁹ Котляревский Н. Указ. соч.. С. 416.

¹⁰ Foucault M. The History of Sexuality. Vol. 1: The Will to Knowledge. P. 104. См. также: Carroy-Thirard J. Le mal de Morzin: De la possession à l'hystérie (1857 – 1877). Paris, 1981. Didi-Huberman G. Invention of Hysteria: Charcot and the Photographic Iconography of the Salpêtrière. Cambridge, Mass., London, 2003; Жеребкина И. Страсть: Женское тело и женская сексуальность. СПб., 2001. Ч. 1: Изобретение истерички.

¹¹ Мержеевский И.П. Об условиях, благоприятствующих развитию душевных и нервных болезней в России, и о мерах, направленных к их уменьшению. СПб, 1887. С. 7.

400 фельетонов и множество заметок. Как журналист либеральной газеты, Суворин не смог остаться в стороне от дискуссии по «женскому вопросу», которая на тот момент достигла своего пика. К тому же он, несомненно, находился под влиянием своей прогрессивной жены, которая на волне женской эмансипации проделала впечатляющий путь из купеческого сословия в столичные издательницы и активистки женского движения. Суворин, похоже, взял на себя роль наблюдателя, комментатора и даже арбитра женского эмансипационного процесса, и его фельетоны и заметки на эту тему стали регулярно появляться на страницах «Санкт-Петербургских ведомостей».

В журналистской практике Суворин унаследовал и широко использовал фельетонную манеру Осипа Сенковского, более известного под псевдонимом Барон Брамбеус¹². Оценка суворинского творчества современниками зависит от их принадлежности к лагерю его сторонников или же противников. Так, суворинский ближайший коллега и биограф Борис Глинский восхвалил его как фельетониста, обозначив при этом его целевую читательскую аудиторию:

«[Незнакомец] ... сумел переместить центр тяжести из неуклюжих тогдашних передовиц в область живого, остроумного фельетона, где, как в калейдоскопе, перед обывателями запестрели страницы отечественной жизни, имена, факты, печальная действительность, политика, обывательщина, где раздался веселый смех, будящий, бодрящий, зовущий от мрака к свету, дразнящий перспективами лучшего будущего и отмечающий все, что пришло в ветхость и негодность¹³.»

Писатель Петр Боборыкин, который испытывал к Суворину неприязнь, его фельетонный стиль воспринял весьма критически:

¹² Первые литературные публикации Суворина в центральной прессе появились, в частности, в сатирическом журнале «Весельчак», в редакцию которого входил О. Сенковский.

¹³ Цит. по: Глинский Б.Б. Алексей Сергеевич Суворин: Биографический очерк. С. 22.

«Корш в своих корректных «Санкт-Петербургских ведомостях» завел себе также воскресного забавника, который тогда мог сказать про себя, как Загорецкий, что он был «ужасный либерал». <...> Все, кто жадно читал втихомолку «Колокол», — довольствовались вьявь и тем, что удавалось фельетонисту «Петербургских ведомостей» разменивать на ходячую, подцензурную монету¹⁴.»

Стилизация под насмешника и даже пошляка создавала необходимый Суворину эффект двусмысленности, так что невозможно было понять, что высмеивает автор: например, саму прогрессивную идею, либо ее вульгаризацию¹⁵. Подобный прием стал для него удобным способом маскировать отсутствие четкой идеологической установки или, если сослаться на самого журналиста, его изначальной политической неангажированности: «Я не принадлежу по своим убеждениям ни к конституционастам, ни к красным, ни к Каткова партии, ни к партии Чернышевского, ни к партии “Времени”»¹⁶, — пишет своему воронежскому знакомому 27-летний Суворин, едва устроившись штатным критиком в московский журнал «Русская речь». Переключая стилевые регистры и меняя авторские маски, он также мог поддерживать читательский интерес самой разнообразной аудитории, провоцируя полемику по широкому спектру общественных проблем и в какой-то мере манипулируя общественным сознанием.

Еще до того, как Суворин выбрал себе постоянную фельетонную форму «Недельные очерки и картинки», он вклю-

¹⁴ *Боборыкин П.Д.* Воспоминания: В 2 т. М., 1965. Т. 1. С. 284. Загорецкий — персонаж комедии Грибоедова «Горе от ума».

¹⁵ Ср. в связи с этим замечание Л. Гинзбург: «Большие движения идей имеют обычно не только своих вульгаризаторов, но и свою паразитическую среду, превращающие идеи в моду или игру». *Гинзбург Л.* «Человеческий документ» и построение характера // О психологической прозе. Л., 1977. С. 57.

¹⁶ *Суворин А.С.* Письма к М.Ф. Де-Пуле: Публ. М.Л. Семановой // Ежегодник рукоп. отд. Пушкинского Дома. Л., 1981. С. 145. Письмо от 21.09.1861. «Время» — журнал, издававшийся в 1861 — 1863 годах М.М. Достоевским и проводивший «почвенническую» политику.

чился в полемику по поводу женского образования и женского труда. Так, в публикации «Летучие заметки и выдержки из дневника», он вполне объективно пишет о петербургском Обществе женского труда и возникших в нем противоречиях¹⁷. Представив материал в виде спора, который ведут сторонники и противники женской эмансипации, фельетонист заявляет о своем нейтралитете: «Я привожу его без всяких комментариев, без всякой личной симпатии к той или другой стороне»¹⁸. Завершая фельетон, он выражает серьезную озабоченность дискриминацией женщин в оплате их труда:

«В конце концов, хотелось бы узнать: разрешатся ли благополучно те недоразумения, которые возникли в Обществе женского труда, и скоро ли разрешатся? Конечно, приятно удовлетворить собственному самолюбию, но было бы еще приятнее, если б например девушки, живущие перепиской бумаг по 5 коп. с листа, питающиеся Бог весть чем, – могли получать более благодарную работу¹⁹.»

Появление женщин на рынке труда вызвало сопротивление консервативных кругов, так что решение проблемы женской занятости потребовало энергичных действий со стороны активисток женского движения. Суворин уже под постоянной рубрикой «Недельные очерки и картинки» предлагает свой собственный – парадоксальный – вариант решения этого вопроса. При этом из-под иронической маски неожиданно звучит критика в адрес женщин, якобы не желающих работать, из чего можно понять, что, по Суворину, все без исключения женщины должны посвятить себя трудовой деятельности, и его можно зачислить в лагерь радикалов. Это его высказывание – пример вышучивания радикальной идеи под прикрытием иронии:

«Не справедливо ли было бы мужчинам искать эмансипации от женщин, а не наоборот? <...> Само собою разумеется, что как теперь мужчины ищут эмансипированных женщин, так то-

¹⁷ В Обществе произошел конфликт между деятельницами умеренного и радикального направлений. См. об этом: Юкина И. Указ. соч. С. 177.

¹⁸ Санкт-Петербургские ведомости. 7.03.1865.

¹⁹ Там же.

гда женщины будут увиваться и заискивать около эманципированных мужчин. Фабричная промышленность разовьется еще сильнее, ибо женские туалеты по необходимости, чтобы привлечь к себе внимание эманципированных мужчин, должны быть изящнее, блестящее, пышнее. Билеты в лотереях будут раздавать мужчины... <...> Вынимать торопливо кошельки станут также и мужчины, и женщины... Вот в чем и весь вопрос; мы добрались до самой сути дела. Вынимать кошельки может только тот, у кого есть благоприобретенные деньги; в настоящее время женщины об этом не заботятся, или заботятся мало, ибо на то есть папаши, мужья, любовники; эманципированные же мужчины не станут давать женщинам денег, и женщины принуждены будут обратиться к энергичному труду, от слов перейти к делу. Таким образом, к обоюдной пользе, будет решен женский вопрос и восстановится то равновесие интересов, о котором так хлопочут теперь эманципированные женщины²⁰.»

О своей вовлеченности в эту актуальную проблему Суворин считает нужным информировать читателя: «Вечером присутствовал при рассуждении о женском вопросе, но поучительного ничего не извлек»²¹. Более того, его живо интересует история женщин России, и он помещает в газете свои пространные размышления на эту тему, отмечая благотворное влияние эмансипации на женский характер в предыдущем веке:

«Возвращаясь к 18-му веку, я полагаю, что всякий, «проходивший историю» не по учебнику, согласится со мной, что русские женщины никогда не были так эмансипированы, как именно в течение этого века, который может быть назван «царством женщин». <...> Я совершенно убежден, что в стремлении женщин подражать мужской действительности есть своя хорошая сторона: женщина могла выработать себе крепкую волю и железное здоровье, которыми так редко отличаются современные нам женщины; нервные припадки и женские болезни были в прошлом веке, по всей вероятности, редкостью, а не повседневным явлением, как в настоящее время²².»

²⁰ Там же. 11.12.1866. Суворин использует слово «эмансипация» для иронических замечаний, а «эмансипация» – для серьезных.

²¹ Там же. 19.02.1867.

²² Там же. 19.03.1867.

Поскольку этот позитив («крепкая воля и железное здоровье») не закрепился в современных Суворину женщинах, то он ищет и находит причину, по которой женская эмансипация свернула с правильного пути, эксплицитно демонстрируя свое знакомство с памфлетом М. Щербатова «О повреждении нравов в России»:

«Но эмансипация женщин совпала у нас с сильным развитием роскоши, которая при отсутствии образования повлекла за собой явления печальные. <...> Роскошь прежде всего породила разврат, страшную распущенность в отношениях полов между собою. <...> А где же следы их [женщин] деятельности, где характеры, проявившиеся какими-нибудь возвышенными делами, полезной деятельностью? Одна княгиня Дашкова и остается; все остальное проявилось только в «свободе чувственности». Замечательно, что до настоящих дней мы никак не хотим отличить «свободу чувства» от «свободы чувственности», и жертвой последней делалось немало юных россиянок²³.»

«Свобода чувственности», или, в терминологии консервативного дискурса, «право на разврат» – главный аргумент консерваторов в полемике, направленный против женской эмансипации. Суворин в своей приверженности патриархальным канонам в этой части полемики всегда будет твердо стоять на консервативных позициях. Однако его критика свободной любви метафорически преломляется и в его неожиданных нападках на зарождающуюся женскую прессу – очевидно, он опасается все более заметного влияния женщин на общественное мнение:

«Мы написали все предыдущее, конечно, в поучение настоящему, и думаем, что настоящее во всяком случае лучше прошедшего: если тогда решилась отравиться от любви одна женщина, то теперь целый «Женский вестник» ежемесячно принимает яд и мучится в корчах и последних предсмертных содроганиях. Яд принимают они вследствие сильной, ничем не удовлетворяемой любви к человечеству...²⁴»

²³ Там же.

²⁴ Там же. 19.03.1867. «Женский вестник» – журнал, выходивший в Петербурге в 1866 – 1868 годах и объявивший целью улучшение

Неделей позже, в целом положительно отозвавшись о пьесе Дюма-сына «Идеи г-жи Обре», тема которой – толерантность по отношению к женщинам «с прошлым», Суворин словно для баланса приводит и консервативное общественное мнение в отношении эмансипированных женщин:

«Женщина с идеями» как известно, зараза настоящего времени, нечто вроде антихриста перед светопреставлением – такими, по крайней мере, представляют их многие мужчины²⁵.»

То и дело меняя тактику в трактовке «женского вопроса», фельетонист дает читателям понять, что он прекрасно владеет темой. По-видимому, он считает себя настолько компетентным в вопросах женской эмансипации, что берется читать мораль ее поборницам, упрекая их в несерьезном отношении к своему делу. Под его критическим пером стремящаяся к образованию женщина превращается в карикатуру:

«Видится мне <...> барыня. Чего-чего она не передумала, чего-чего не переделала, а все как-то не спорится, все как-то словно дела нету. «Не понимает меня муж, никто не хочет понять моих стремлений. Счастливые мужчины! Они самостоятельны, они свободны, у них столько дела, столько развлечений!.. Ах, если б родилась я мужчиной!» И ходит барыня по комнате взад и вперед, бледная, встревоженная, и все думает о том, отчего не родилась она мужчиной. Села. Посидела-посидела, опять встала и пошла... Пристально поглядела на улицу, потом на портрет мисс [Элизабет] Блэкуэл, потом сыграла какую-то дребедень на фортепиано, взяла Жорж-Санда и стала читать. Страницу прочитала – взяла Байрона – опять читает, взяла [Адама] Эленшлегера – и у того страницу прочитала, понимая с пятого на десятое. Словно экзаменует себя барыня: много ли, мол, я знаю? От-

положения женщины и ее развитие, в частности, «указание тех отраслей труда, где женщина <...> могла быть более полезна семье и обществу». Журнал также помещал обличающие материалы против «векового господства мужчин», но в целом вызвал критику как справа, так и слева; либералы упрекали редакторов в декларативности и несоответствии журнала объявленной программе. См. об этом: Юкина И. Русский феминизм как вызов современности. С. 120-121.

²⁵ Санкт-Петербургские ведомости. 25.03.1867.

вечает сама себе: много, одних языков – косою десяток. Опять заходила и думает: «А дела мне нету, никакого дела. Мне скучно, тоскливо, никто меня не понимает, нигде родной души не найду». <...> И не поймет никак барыня, что ей потому и скучно, что за многое берется она, а ничего основательно не знает. Всё с пятого на десятое...²⁶»

При том что путь, по которому двигался эмансипационный процесс, был тернист и мало изведен, Суворин убежден, что во многих его неудачах виноваты сами женщины – в силу отсутствия у них энергии, мужества и нравственной силы. В этом можно увидеть его скрытую полемику с Д. Писаревым, который выдвинул поддержанный всеми либералами лозунг «Женщина ни в чем не виновата»²⁷. Сам страдающий от недостатка указанных качеств, Суворин, игнорируя объективные реалии, невольно проецирует их на женский пол, возможно, и потому, что имеет перед глазами пример своей собственной жены:

«Говорят: лбом стену не прошибешь, и это совершенно справедливо, но наши женщины, стонущие о женском труде, по большей части боятся и подойти к стене, да попробовать, нельзя ли ее повалить, нельзя ли проделать в ней отверстие чем-нибудь другим кроме лба, благо в настоящее время есть столько орудий, пригодных для такой несложной работы. Наши женщины, стонущие о труде, по большей части белоручки, ничего не знающие, ни к чему не приготовленные, лишенные и общего, и специального образования. А те, которые выдадутся из них, глядишь, с высоты величия посматривают на своих сестер. <...> Вы хвалитесь *умственным трудом*... <...> Велика важность написать компиляцию! Нет, вы попробуйте <...> сделать нечто такое, что доказывало бы, что у вас есть энергия и мужество, что

²⁶ Там же. 18.06.1867.

²⁷ Женские типы в романах и повестях Писемского, Тургенева и Гончарова // *Писарев Д.И. Сочинения*: В 4 т. М., 1956. Т. 3 С. 212. Писарев настаивал на том, что вина лежит исключительно на мужчине: «Мужчина гнетет женщину и клеветет на нее. <...> ...Литераторы наши ругают женщин за их ветренность, за их пустоту, которая поддерживается складом всего общества и в которой виноваты одни мужчины, как единственные деятельные члены этого общества». С. 211-213.

вы действительно способны занять совершенно независимое положение среди мужского царства, что между вами есть такие женщины, как [Лидия] Бэккер, [Гарриет Тейлор-] Милль, Эмма Эсмонд, Блэкуэл, княгиня Дашкова – тогда разговор будет совсем иной. Нравственная сила всегда внушает почтение... А какая у вас, у современных русских женщин, нравственная сила, позвольте спросить? Громадное большинство из вас кроме романов ничего не читают, даже тех, которые слывут под именем образованных, собьет с толку всякое поветрие, заставит забыть долг бриллиантовая брошка, подкупят совесть льстивые комплименты, запугает какой-нибудь пошляк, обладающий зычным голосом...²⁸»

В своей критике Суворин строг, но не конструктивен, предлагая женщинам «сделать нечто такое», о чем и сам, похоже, не имеет реального представления. Его наставления женщинам сводятся к основным положениям протестантской трудовой этики:

«Говорят: надо ободрять женщин, не бросать в них упреков, не язвить насмешками их начинания. Все это бесподобно. Но я желаю знать, сколько таким женщинам лет, которых надо ободрять, которые боятся насмешек и упреков? <...> Плохи же те начинания, плоха та нравственная сила, которая в эти годы еще ступить не умеет... Серьезный, упорный труд, нравственная чистота и твердость сильнее всего на свете... Если же начинания являются относительно стрижки волос, мужских ухваток, поверхностной болтовни о разных книжках – то овчинка не стоит выделки. «Но начинания, новые веяния всегда сказываются угловато, – скажут нам. – Масса увлекается вздором, наружностью, отчего внутренняя жизнь становится еще пустее». В таком случае позвольте уж указывать на эту пустоту, на эти соображения, на жалкое обезьянство, – чтобы жертв было меньше...²⁹»

Суворин безошибочно определяет проблемные зоны в общественном положении женщины, например ее экономическую зависимость от мужа. Решение проблемы он видит в женском образовании, разделяя тем самым эмансипационную программу либерального лагеря:

²⁸ Санкт-Петербургские ведомости. 18.06.1867.

²⁹ Там же. 18.06.1867.

«Да и вступив в брак, женщина, получившая такое посредственное образование, какое дается у нас, не в состоянии быть надлежащей помощницей мужу, если последний не обладает приличным капиталом. Все это, без сомнения, известно всем и каждому, но тем печальнее, что, зная все это, мы не принимаем решительно никаких мер для того, чтобы дать нашим дочерям такое образование, которое не ставило бы их в исключительную зависимость от брака³⁰.»

Следует отдать фельетонисту должное: он пристально следил за развитием женского рынка труда и оперативно откликался на происходящие там изменения. Однако он избегал анализа объективных трудностей, и его реакция не выходила за рамки общих критических положений:

«Женщина действительно нуждается в работе, ищет ее и не находит по большей части; журналистика говорила много об этом предмете, говорила даже дельно, если исключить несколько слишком горячих статей и весь «Женский вестник». Сказано было столько, что оставалось ждать начинаний, практических применений. И они явились. Явилась женская переплетная и исчезла, явились наборщицы и исчезли, явилось Общество покровительства женскому труду и переминается с ноги на ногу, явилось Филантропическое общество попечительства гувернанток, а о существовании его едва ли кому известно, а о деятельности едва ли и самим членам известно. <...> Будущность русской женщины завешена еще грубой материей, сквозь которую ничего не видно³¹.»

Фельетоны Суворина на женские темы вызывали отклик читателей: они вступали с ним в переписку, и автор выносил полемику на газетные страницы. Однако суть этой полемики снова сводилась к внедрению в сознание читателей мысли о несоответствии женщин серьезным эмансипационным задачам, о профанации идей женского труда:

«Я <...> подобно корреспондентке, готов сказать, что «женщина с характером и с желаньем работать никогда не останется без дела», но я всегда думал и думаю, что, во-первых, женщин с

³⁰ Там же. 20.08.1867.

³¹ Там же. 3.12.1867.

характером сравнительно с женщинами, нуждающимися в работе, слишком мало, во-вторых, очень часто одного характера недостаточно, чтобы достать работу, в-третьих, слишком много женщин, болтающих о труде и ничего не делающих. Они своей болтовней, пустотой, иногда и цинизмом сделали для многих самое слово «женский труд» лишенным смысла и вызывающим только улыбку недоверия. «Женский труд» сделался в их устах неприличным каламбуром, и они сыпали анекдотами двусмысленного свойства, как скоро вы заикались в пользу женщин³².»

Суворинский диагноз текущего состояния в области женской занятости вполне адекватен, равно как и указываемое им направление решения «женского вопроса». Его манера рассуждать посредством «общих мест» позволяет ему, при всем его критицизме, оставаться на позициях защитника интересов женщин:

«Женский вопрос не вошел еще в общественное сознание и, надо полагать, перейдет только тогда, когда на образование женщин будет обращено серьезное внимание, и когда отрадные явления в женском мире и женской действительности не будут только исключением³³.»

Очевидно, под влиянием жены, получившей профессию акушерки, Суворин неоднократно и энергично высказывался о необходимости женского медицинского образования и даже выдвигал проект школы для женщин-врачей: «Подобная школа могла бы образовать не только женских врачей-практиков, но и женщин-лекторов»³⁴. Его взгляды на женское образование могли простирались весьма широко: «Потребность в школе технической, где преподавались бы торговые науки, ремесла и искусства, еще настоятельнее». Однако он несвободен от опасений, что женское образование может принять массовый характер и пагубно повлияет на главное предназначение женщины, т. е. на деторождение. Так, одобрительно отозвавшись в своем фельетоне о Надежде Сусловой, полу-

³² Там же. 10.12.1867.

³³ Там же. 10.12.1867.

³⁴ Там же. 9.01.1868.

чившей диплом врача, он авансом критикует желающих последовать ее примеру:

«Многие из наших соотечественниц тоже направили свои стопы в этот швейцарский город (Цюрих); но если они воображают, что дело это также легко, как чтение популярных физиологических книжек, то было бы во сто крат лучше, если бы они остались дома и, заключив супружеские узы со своими соотечественниками, подарили бы родине, вместо незрелых плодов науки, здоровых младенцев, из которых могли бы выйти преполезные граждане³⁵.»

Подобное заявление вызвало шквал возмущенных писем в редакцию, однако Суворин вместо объяснений или извинений предпочел сделать в сторону женщин еще один оскорбительный выпад, видимо, полагая, что лучший способ защиты – нападение:

«Оказалось, что соотечественницы обиделись, и одна из них, впрочем, в Цюрих не едущая, но считающая себя призванною не столько для рождения детей, сколько для рождения публицистических статей, решила принять обиженных под свое покровительство и готовит статью, в которой ставит вопрос: «Что лучше – иметь детей или учиться», решая его, разумеется, в пользу того, что лучше учиться, чем иметь детей. По моему же крайнему разумению подобный вопрос мог зародиться только в голове достаточно праздной и достаточно свихнувшейся³⁶.»

Полемика на эту тему продлилась почти год, и фельетонисту не раз приходилось оправдываться перед читателями: «Я говорю только, что учиться надо хорошо и для дела, а не плохо и для безделья»³⁷. Заняв в обсуждении женского образования критически-оборонительную позицию, он неожиданно обнаруживает крайне консервативный взгляд на совместное обучение, за которым стоит страх перед проявлением женской сексуальности:

³⁵ Там же. 25.03.1868. Н.П. Сулова – первая из русских женщин, получившая диплом доктора медицины.

³⁶ Там же. 7.04.1868.

³⁷ Там же. 28.04.1868.

«...Совместное учение мужчин и женщин признано не совсем удобным. По моему мнению, его и следует признать таковым, как в интересах успехов обоих полов, так и в интересах родителей, которые, конечно, с бóльшим спокойствием станут отпускать своих дочерей в аудитории исключительно женские, чем в аудитории смешанные. Быть может, это оскорбительно для юношей и девиц, как факт недоверия к их... как бы выразиться? – ну, просто к нравственности; но не должно забывать, что самая подкладка нашей жизни, наши предания отнюдь не ручаются за то, что всякий молодой человек, сидя рядом с молодой девушкой, только о науке и будет помышлять, не обращая ни малейшего внимания на хорошенькое личико, на красивые руки, на свежий девичий голос³⁸.»

Одна из заметок Суворина, «Письмо к Вере Александровне Лядовой», в которой он упрекает опереточную актрису за слишком фривольные, по его мнению, фотографии («...вы обнажили свою совсем неграциозную ногу выше колена»)³⁹, вызвала резкую критическую реплику сотрудников демократического журнала «Дело», в которой были суммированы суворинские взгляды на женский вопрос. Авторы журнала следили за тем, «как заигрывал Незнакомец с женским вопросом, перемешивая его в своих балаганных картинках с полемикой против квартальных, неучей-докторов, почтамтских чиновников и тому подобных обиженных природою или жизнью»⁴⁰. Критики Суворина были убеждены:

«...женский вопрос давно уже вышел из сферы теории на практическую почву, и потому не нужно особенного ума и добросовестности, чтобы считать его не утопией, а жгучей потребностью нашего времени. Никто из сколько-нибудь порядочных людей не станет отделяться балаганными шуточками и пошленькими инсинуациями, когда он встречается с этим вопросом в журналистике. Но для Незнакомца, как видно, это новая

³⁸ Там же. 23.06.1868.

³⁹ Там же. 17.11.1868.

⁴⁰ Женщина перед судом г. Корша и Незнакомца (Посвящается сотрудникам С. Петербургских ведомостей) // Дело, 1868. № 12. С. 132-141.

вещь, и в этом отношении он стоит на одинаковой степени развития с бушменом⁴¹.»

Журналисты «Дела» безошибочно определили суворинскую переменную тактику в трактовке «женского вопроса»: «...Он последователен только в своей непоследовательности». «Виляющий ратоборец женского вопроса»⁴² сурово осуждается за стремление потакать «капризам общественной нравственности»⁴³. В пылу полемики оппоненты назвали Суворина «недоумком с ослиными ушами» и посоветовали оставить рассуждения о деле, которое «вовсе не его ума»⁴⁴. В финале статьи прозвучала угроза профессионального ostracism:

«Теперь понятно, почему вы и только вы смогли с такою наглостью отнести к г-же Лядовой в вашем злосчастном письме. Оно вытекает из всего того, что вы болтали прежде о женской личности; оно логически завершает собою все ваши фельетонные скандалы, которые, к сожалению, так долго спускала вам лучшая часть нашей журналистики⁴⁵.»

Такой суровый приговор вполне мог повредить репутации молодого журналиста, и в ответ ему пришлось писать длинное, занявшее весь газетный «подвал» объяснение, в котором он примирительно отвечает по всем пунктам предъявленных ему обвинений, сознавшись, что о некоторых вещах он говорил «шутя». Оправдываясь, он оперирует исключительно здравым смыслом и стремится к обобщениям, говорит о «массе», то есть о среднем человеке, для которого, в отличие от прогрессистов, «женский вопрос» может быть не столь актуален:

«Сводя счеты за прошлый год, я не могу не остановиться на вопросе женском, тем более что господа вроде Пятковского и Минаева и некоторых сотрудников «Дела» не стыдятся утверждать, что я будто бы постоянно заявлял ненависть к женскому образованию. <...> ...Неужели в самом деле может существовать

⁴¹ Там же. С. 137.

⁴² Там же.

⁴³ Там же. С. 135.

⁴⁴ Там же. С. 141.

⁴⁵ Там же.

вопрос о том, что лучше – рожать детей или учиться? Мне кажется, что как женщина, так и мужчина призваны на то и другое, что любовь и, как следствие ее, рождение детей, всегда существовала и существовать будет, что были и есть женщины весьма образованные, не стыдившиеся ни любить, ни рожать, ни воспитывать детей, что образованные матери лучше необразованных и пр. и пр. <...> Я не отрицаю, что могут быть женщины, которых совершенно поглотит наука, и о любви они никогда не задумаются; но ведь такие женщины, как и такие мужчины – исключения, и потом довольно странные исключения, а мы говорим о массе⁴⁶.»

Полагая, что своими публикациями он вносит в полемику по «женскому вопросу» здоровую критическую струю, Суворин не собирается отказываться от своей специфической, унаследованной от Барона Брамбеуса фельетонной манеры:

«Я, стало быть, виноват в том, что с женщинами говорил на том же языке, на котором привык говорить со всеми. В этом отношении я исправить не могу и не желаю исправляться, потому что уважаю женщин более тех моих противников, которые считают своей обязанностью обращаться к женщине как к нежному цветку, который от неосторожного прикосновения сейчас завянет и аромат свой потеряет⁴⁷.»

Числя себя в рядах сторонников женского образования, Суворин – теперь наперекор своим прежним взглядам – спустя некоторое время подвергнет критике редактора газеты «Домашний врач» С.А. Штерна за его выступление против обучающихся медицине женщин. Главный суворинский упрек адресован Штерну за его убеждение в том, что «женщины, занимаясь вместе со студентами, мешают последним серьезно заниматься, ибо порождают в них разные амурные соображения»⁴⁸. Однако на передовых феминистских позициях Суворину долго продержаться не удалось. Через несколько месяцев, снова надев шутовскую маску, он неожиданно разразился глумливым фельетоном, в котором наметил единственной путь освобождения женщины:

⁴⁶ Санкт-Петербургские ведомости. 29.12.1868.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же. 9.02.1869.

«Г. [педагог И.И.] Паульсон объявляет о возобновлении курсов для женщин, желающих эманципироваться. Неужели эманципироваться?.. Вот чего я никогда не мог уразуметь достаточно; скажу более: я думаю, что женщина всегда останется женщиной. <...> Этот, быть может, несколько легкомысленный взгляд на женщин не мешает мне, однако же, смотреть на дело и с философской точки зрения. В идее я признаю всякие принципы, не только либеральные, но даже радикальные. <...> Но практика идет у меня своим чередом. Я обворожу женщину своими прогрессивнейшими взглядами на женский вопрос, но про себя думаю: «Бедная овца! Ты не знаешь, что говорят история и опыт. Никогда, ни в каком обществе, ни в какую эпоху женщина не освобождалась ни посредством ума, ни посредством своего образования, ни посредством своей добродетели; но всегда, в самые варварские эпохи, во времена господства затворничества, она освобождается... посредством распутства. Истинно свободная женщина – куртизанка. <...> У женщины честной нет даже тех прав, какими владеет мужчина; куртизанка обладает даже привилегиями. Честная женщина погибла, если она изменяет мужу; куртизанка любит как владычица, как деспот, для которого закон не писан. И сколько честных женщин завидуют куртизанке! И нельзя не завидовать... Как честный человек, если б я имел детей, то желал бы только одного: чтоб дочери мои были красавицами. Если б это чарующее качество было у них, я приготовил бы им блестящие карьеры. Все, что может очаровывать: грации, музыка, остроумие, танцы, совершенство и крепость форм – все это я развил бы в них, и когда им сравнялось бы семнадцать лет, я призвал бы их к себе, изобразил бы им историю куртизанки и благословил бы на этот путь... Отцы, не возмущайтесь! Вспомните, что у меня нет детей»⁴⁹.»

Маловероятно, что автор этих строк, отец одиннадцатилетней дочери, мечтал бы приготовить для нее «блестящую» карьеру куртизанки. Однако маска развязного безответственного болтуна, тем не менее, позволяет Суворину настойчиво и последовательно внедрять в сознание читателя мысль о том, что женская эмансипация прежде всего дает женщине право на неограниченную сексуальную свободу. Лейтмотив «сво-

⁴⁹ Там же. 7.09.1869.

бодная женщина опасна» начинает звучать в суворинских статьях все более настойчиво.

Спустя три недели Суворин – теперь уже серьезно – спешит откликнуться на вышедшую в России книгу Дж.Ст. Милля «Подчиненность женщины». Книга вызвала восторг у приверженцев феминизма обоего пола и резкое неприятие у его противников. Началось активное ее обсуждение, и Суворин не пожелал оставаться в стороне. Из заметки видно, что он по-прежнему скептически по отношению к полемике вокруг «женского вопроса»; более того, теперь он критикует «мужественных женщин», хотя еще недавно осуждал женский пол за отсутствие энергии и мужества. «Мужественная женщина» – пример проявленной суворинской женофобии:

«Наши женщины решительно зачитываются Миллем. Вот уж именно одолжил он их книгой, которая должна сделаться не только настольной, но в некотором роде катехизисом. И в самом деле, аргументация Милля так же убедительна, как геометрическая теорема, и так же ясна, как дистиллированная вода. Не знаю, насколько окажет она влияния на взаимные отношения супругов и на правительственные постановления, но уверен, что она положит предел той болтовне, в которой так часто упражнялись мужественные женщины и женственные мужчины, стараясь доказать равенство полов и право женщин на все те профессии, которые открыты мужчине. В теории вопрос должно считать поконченным; остается практика, которая, к сожалению, заставлена еще шлагбаумами; чтоб поднять их, надо больше труда и усилий, чем на постройку железных дорог, которые повсюду устранили шлагбаумы с часовыми⁵⁰.»

Продолжая взятый им либеральный тон, фельетонист поддерживает идею участия женщин в преподавательской сфере и даже порицает ее критиков, высмеивая женофобию «администрации», то есть официальных кругов:

«...Я слышал даже, что дозволено одной женщине прочесть несколько лекций о методах преподавания маленьким детям. Можете себе представить – женщина на кафедре! Этого в мирное время многие переварить у нас не могут <...> Дело другое –

⁵⁰ Там же. 28.09.1869.

женщина на сцене, женщина на эстраде, женщина в цирке, на лошади. Там женщина показывает или себя самое, или свое искусство; себя самое или свое искусство показывать она может, но показывать свое знание, поучать – это противоестественно и, по выражению многих, на это не хватает ее физических сил. Кто знает? Я об этом ничего не знаю, но мне приятно думать, что администрация покончила с напрасными страхами и полезное считает полезным во всякое время⁵¹.»

Либерализм Суворина может зайти достаточно далеко: так, он вступает в яростную полемику о пользе женского образовании с издателем газеты «Гражданин» князем В. Мещерским, который за свои крайне консервативные взгляды получил прозвище «мрачный публицист женского вопроса»⁵². Похоже, что Суворин использует любой повод, чтобы поддержать учащих женщин. Сообщив о крупном анонимном пожертвовании на женские курсы, он с удовлетворением отмечает:

«Начало серьезному медицинскому образованию женщин закладывается, и есть полное основание верить, что в недалеком будущем русским женщинам нечего будет искать знаний в немецких университетах. Они бились не даром, не даром не уставали они преследовать образовательные цели, несмотря на град насмешек и оскорблений: постоянство почти всегда награждается⁵³.»

Однако вслед за этим он в обширном фельетоне снова меняет регистр на иронический, причем теперь объектом насмешки становится весь либеральный лагерь сторонников женской эмансипации:

⁵¹ Там же. 25.01.1870.

⁵² См. о нем: *Журавлева Т.А.* Князь В.П. Мещерский о женском вопросе в России во второй половине XIX века <http://conservatism.narod.ru/tzhurav/woman.rtf>; *Леонов М.* Эксплуатация мужских страхов: Газетная кампания против женского образования в России 70-80-х годов XIX века // *Гендерное равноправие в России*. СПб, 2008. С. 164-166. По мнению М. Леонова, газетная кампания «Гражданина» привела к временному закрытию Высших женских курсов.

⁵³ Санкт-Петербургские ведомости. 2.04.1872.

«Если не о чем говорить, то о женском вопросе», – замечает обыкновенно один из моих приятелей. Оно и действительно, очень хороший вопрос и всегда новый. Иногда мне кажется, что его выдумали собственно для журналистов, но я тотчас же отрицаю эту мысль, как оскорбительную для прогресса нашего времени, и соглашаюсь, что женский вопрос потому неистощим, что он есть мерило, насколько человечество продвинулось вперед в своем развитии⁵⁴; другими словами, насколько мужчины свили веревки на свои ожирелые шеи. Но я избегаю говорить об этом вопросе по некоторым причинам. Ни один благоразумный человек не станет спорить, что мужчины, стоящие за так называемый женский вопрос, – самые добродетельные овцы во всемирном стаде, которым женщины должны бы курить фимиам. Впрочем, мало сказать «добродетельные овцы»; это – самоубийцы, это – овцы со слезами радости на глазах стоящие у порога бойни и говорящие с самоотвержением: «убейте нас поскорее, потом зажарьте и подайте нас скушать милым женщинам». Понятно, что говоря подобные ужасы, я разумею конечный результат, т. е. то отдаленное время, тот новый геологический период, когда женщины победят нас с помощью изменников-мужчин и обратят в своих рабов. <...> Вам известно, что я принадлежу к поклонникам женского вопроса в его естественном развитии. На то я и умеренный либерал, чтоб все умеренно-либеральное одобрять и поощрять; но я вместе с тем принадлежу к тем умеренным либералам, которые не скрывают ни от себя, ни от других конечных результатов. <...> Соображая все это, я и говорю, что конечный результат женского вопроса будет гибелен для мужчин, а потому те из них, которые теперь воюют против «отсталых» взглядов на женщин, вьют сами на себя веревку, ибо несомненно, что все то, что выдумал мужчина для своего спокойствия и отдохновения – все это сокрушится как сделанное не в интересах женщин. Я мог бы нарисовать картину этого крушения, но боюсь за бедные головы тех, которые и без того уже весьма опасаются женского вопроса, хотя серьезно опасаться его можно разве только лет через пятьсот: до тех же пор мы будем еще властвовать и покорять под ноги свое женское племя...⁵⁵»

Хотя теперь Суворин меняет маску с консервативной на «умеренно» либеральную, рисуемая им апокалипсическая

⁵⁴ Ироническая аллюзия на известные слова Н. Соловьева о том, что «женский вопрос» явился «мерилом прогрессивности писателя».

⁵⁵ Санкт-Петербургские ведомости. 15.10.1872.

картина победы женщин над мужчинами говорит сама за себя. Впрочем, он смягчает ее, сообщив, что конечный результат эмансипации будет достигнут «лет через пятьсот». Между тем эту браваду тоже можно отнести к женофобической симптоматике. Тем более, что в фельетоне речь идет о тех, кто «весьма опасается женского вопроса». Пародируя либеральный эмансипационный дискурс, одной из тем которого была взаимная «гармонизация» мужского и женского полов, Суворин предлагает практические меры ее реализации:

«Но женское племя могло бы и в настоящее время показать себя с весьма выгодной стороны и даже заслужить признательность потомства... <...> Женщины должны стараться в настоящее время о том, чтобы мужчины делали поменьше нехороших дел <...> Разумеется, мужчина – конечно, мужчина более или менее деликатный – начнет сначала резоны выставлять: надо бить его по этим резонам... <...> Не худо бы составить оборонительное женское общество для этой цели, назвав его “Женское общество для взаимного пособия и для укрощения мужчин”. Я вполне убежден, что деятельность этого общества была бы благотворнее всех существующих ныне обществ⁵⁶.»

Через неделю Суворин в очередном фельетоне снова иронически коснется женской темы и нарисует красочный портрет современной ему женщины. Форма фельетона будет неожиданной – посмертное прощание – и, надо сказать, зловещей. Вообразив себе, что он умер, Суворин наблюдает, как у его гроба появляются ключевые фигуры его фельетонов: земский деятель, мировой судья, «бледный юноша», «маститый ученый». Вторым по счету гостем суворинского хладного трупа оказалась «русская женщина»:

«В комнате термометр разом повысился на десять градусов. <...> ...В комнату вошла женщина и принесла с собою это тепло. Русская женщина – самая теплая женщина. При жизни я любил русскую женщину не меньше чаю; после смерти я ее благословляю, как говорится, на подвиг жизни. Самая теплая женщина – вместе с тем – самая передовая. Я любил ее всегда: и тогда, когда она носила длинные волосы, и тогда, когда она стала стричь их; если б я пожил дольше и дождался того времени, ко-

⁵⁶ Там же.

гда она станет брить их – я любил бы ее бритую. Я любил ее и тогда, когда она была скромна и послушна своему мужу на глазах его и шалила за глазами; я любил ее и тогда, когда она перестала слушать мужа и, отбросив скромность, сказала ему: «Мой друг, я люблю другого, а потому оставайся здесь, я же пойду туда!» И ушла, плавно, не торопясь, не ломая рук, не приходя в пафос, не говоря длиннейших монологов, – потому что самая теплая женщина вместе с тем и самая простая. <...> Да, я любил ее, эту простую, теплую и передовую русскую женщину, любил всегда, на всех путях ее развития – и тогда, когда она читала Дюма и Поль-де-Кока, и тогда, когда она, краснея, жадно проглатывала анекдоты в «Топографической анатомии» Гиртля, предпочитая их всем романам. Я любил ее и тогда, когда, в отчаянии после долгой, молчаливой думы, она искала выхода в разврате, и тогда, когда она приставляла дуло пистолета ко рту и падала бездыханная и обезображенная; я любил ее всегда – и когда защищал ее, и когда смеялся над нею. <...> Поэтому напрасно упрекали меня философы либерализма в том, что сегодня я говорил одно, сегодня напал на женщину, а завтра защищал ее. О, будь же благословенна ты, теплая русская женщина, всегда, отныне и навеки, стремись и стучись в полной надежде, что отверзятся двери тому, кто стучится. Прощай!⁵⁷»

Это прощание странным образом совпало с тем, что в следующем, 1873 году, Суворин на время оставил женскую тему в своих фельетонах. Суворинское признание в любви к женщине вообще – при всей его ироничности – вызывает ассоциации с его собственной женой, несомненно, простой, «теплой» и передовой женщиной. Благословив ее из гроба, примерно через год Суворин, по злему мановению судьбы и уже в реальной жизни, поменяется с ней местами. «Женский вопрос» получит трагическое разрешение в его собственной семье. Восприняв идеи личной женской свободы и став независимой и самостоятельной личностью, его жена погибла от руки любовника, и душевные муки едва не довели Суворина до самоубийства. Газетная шумиха вокруг убийства жены поставила под угрозу его карьеру, а отсутствие необходимой ему поддержки негативно сказалось на его последующей жизни.

⁵⁷ Там же. 22.10.1872.

Подводя итог, можно заметить, что, участвуя в дискуссии по «женскому вопросу», Суворин совмещал две разнонаправленные идейные позиции, поддерживая идеи женского образования в духе либерального дискурса и отвергая идею личной свободы женщины в консервативном духе; при этом его консерватизм маскировался иронией и эпатажем и вместе с тем служил приемом привлечения менее взыскательной публики. Поскольку те и другие тексты он подписывал псевдонимом «Незнакомец», читатели и демократическая пресса стали воспринимать автора прежде всего как консерватора и противника женской эмансипации, хотя Суворин поддерживал женское образование и даже вступил в члены Общества помощи нуждающимся слушательницам медицинских и педагогических курсов⁵⁸. Подобная противоречивость отразила его внутренний конфликт: будучи приверженным идеям просвещения и образования, он придерживался патриархальных взглядов на семейный уклад, отводя женщине исключительно роль матери и воспитательницы детей. Кроме того, его серьезно беспокоила перспектива женской сексуальной свободы, которую он ассоциировал с проституцией и которая, по его мнению, неизбежно повлекла бы за собой не равноправие полов, но конец мужской цивилизации. Замаскированный под иронию суворинский консерватизм, касающийся преимущественно женской личной свободы, по нашему предположению, является защитным механизмом, то есть свидетельствует о женофобической тенденции, которая стала проявляться не только у Суворина, но и в либеральном дискурсе женского эмансипационного процесса. В целом же А.С. Суворин как яркая и крупная публичная фигура, проявившая себя в большом массиве разнообразных текстов и поступков, дает хороший образец для изучения менталитета разночинцев в целом и в частности восприятия ими такого сложного, противоречивого и несущего в себе определенные опасности явления, как женская эмансипация.

⁵⁸ См.: Буланова-Трубникова О.К. Три поколения. М.; Л., 1928. С. 111.